

СОКОЛОВА Д.А.¹ ПОЭТИКА СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ
В РОМАНЕ В. ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ»: ОТ ТРАДИЦИИ
ROMAN POPULAIRE К СОВРЕМЕННЫМ СТРАТЕГИЯМ РЕ-
ПРЕЗЕНТАЦИИ МАРГИНАЛЬНОСТИ[©]

Аннотация. В статье исследуется художественная репрезентация феномена социального исключения в романе В. Гюго «Отверженные» (1862) в контексте французской литературной традиции roman populaire и современных социологических концепций маргинальности. Применяя междисциплинарный подход, объединяющий методы социологии литературы П. Бурдьё, теории исключения С. Погама и нарративного анализа, автор выявляет специфические литературные стратегии изображения «отверженных» – от индивидуальной психологической драмы до коллективного социального протеста. Особое внимание уделяется эволюции концепта misérables от религиозно-моралистической интерпретации к социально-политической критике. Анализируется роль пространственных метафор (канализация, баррикады, монастырь) как символических топосов исключения и включения. Исследование демонстрирует, как Гюго предвосхитил современные дискуссии о прекариате и социальной эксклюзии, создав литературную модель, актуализирующуюся в контексте миграционного кризиса и роста социального неравенства в современной Европе.

Ключевые слова: Виктор Гюго; «Отверженные»; социальное исключение; французский социальный роман; roman populaire; маргинальность; социология литературы; репрезентация бедности; XIX век; литература и общество.

¹ Соколова Диана Алексеевна – аспирант кафедры теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; ORCID: 0009-0005-8038-4327; diana.falcone.exp@gmail.com

© Соколова Д.А., 2026

Для цитирования: Соколова Д.А. Поэтика социального исключения в романе В. Гюго «Отверженные»: от традиции roman populaire к современным стратегиям репрезентации маргинальности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2026. – № 2. – С. 39–56. – DOI: 10.31249/lit/2026.02.03

Поступила: 10.07.2025

Принята к печати: 03.03.2026

SOKOLOVA D.A.¹ The poetics of social exclusion in Victor Hugo's *Les Misérables*: from the tradition of the “roman populaire” to modern strategies of representing marginality

Abstract. This article examines the artistic representation of the phenomenon of social exclusion in Victor Hugo's novel *Les Misérables* (1862) within the context of the French literary tradition of the “roman populaire” and contemporary sociological concepts of marginality. Employing an interdisciplinary approach that combines methods from Pierre Bourdieu's sociology of literature, Serge Paugam's theory of exclusion, and narrative analysis, the author identifies specific literary strategies for depicting the “outcasts” – ranging from individual psychological drama to collective social protest. Particular attention is given to the evolution of the concept of the “misérables” from a religious-moralistic interpretation to socio-political critique. The role of spatial metaphors (such as sewers, barricades, and the monastery) as symbolic topoi of exclusion and inclusion is analysed. The study demonstrates how Hugo anticipated contemporary discussions on the precariat and social exclusion by creating a literary model that remains relevant in the context of the migration crisis and the rise of social inequality in contemporary Europe.

Keywords: Victor Hugo; *Les Misérables*; social exclusion; French social novel; “roman populaire”; marginality; sociology of literature; representation of poverty; nineteenth century; literature and society.

To cite this article: Sokolova, Diana A. “The poetics of social exclusion in Victor Hugo's *Les Misérables*: from the tradition of the “roman populaire” to modern strategies of representing marginality”, Social sciences and humani-

¹ Sokolova Diana Alexeyevna – PhD student of the Department of Language Theory and German languages, Yaroslavl State Pedagogical University, ORCID: 0009-0005-8038-4327; diana.falcone.exp@gmail.com

© Sokolova D.A., 2026

ties. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2026, pp. 39–56. DOI: 10.31249/lit/2026.02.03 (In Russian)

Received: 10.07.2025

Accepted: 03.03.2026

Введение

Роман Виктора Гюго «Отверженные» (1862) занимает особое место в истории французской литературы не только как художественное произведение исключительной силы воздействия, но и как документ эпохи, запечатлевший кардинальные социальные трансформации первой половины XIX столетия. По разным данным, роман создавался от 17 до 30 лет, он вобрал в себя опыт революционных потрясений 1830 и 1848 гг. и предвосхитил события Парижской коммуны 1871 г. Изначальный вариант «Отверженных» был близок по сюжету и содержанию к приключенческому роману-фельетону «Парижские тайны» Эжена Сю [Брахман, 1968, с. 5]. Однако автор принял решение создать более сложную структуру, придав книге большую глубину. Финальная версия романа содержала множество авторских отступлений и философских размышлений.

Появление романа в период Второй империи Луи-Наполеона III не было случайным: именно в эту эпоху особенно остро встал вопрос о социальной справедливости и положении «четвертого сословия» – городского пролетариата и люмпен-пролетариата [А.С., 1959]. В этом контексте В. Гюго, находясь в эмиграции на Гернси, создал произведение, которое стало не только художественным высказыванием, но и формой гражданского протеста – текстом с ярко выраженным социальным и политическим пафосом, обращённым к проблемам неравенства и угнетения.

Методология нашего исследования представляет собой синтез социологии литературы П. Бурдьё [Bourdieu, 1992] и теории социального исключения С. Погама [Raugam, 1996]. Подобный междисциплинарный подход позволяет рассматривать роман Гюго не только как эстетический феномен, но и как социальный факт, формирующий общественное сознание и влияющий на политические процессы.

Принципиальная новизна подхода Гюго к изображению социальных низов заключается в отказе от традиционной для французской литературы XVIII – начала XIX в. модели морализатор-

ской филантропии: бедность в ней мыслится прежде всего как предмет воспитательно-исправляющего попечения со стороны «порядочных» и привилегированных, а сам «бедный» оказывается объектом назидательного взгляда и практик отбора «достойных / недостойных». Если предшественники Гюго – от Ретифа де ла Бретона до раннего Бальзака – рассматривали бедность преимущественно как объект филантропической деятельности привилегированных классов, то автор «Отверженных» представил маргинализированные слои как субъекта исторического действия. Творческий метод Виктора Гюго представляет собой уникальный синтез традиционных жанровых форм и новаторских художественных решений. Особенно показательной является трансформация писателем конвенций мелодрамы в масштабную социальную эпопею, что наиболее ярко проявилось в романе «Отверженные».

Французская мелодрама, возникшая в театральной практике конца XVIII в., характеризовалась четким разделением персонажей на положительных и отрицательных, морализаторским пафосом и эмоциональной насыщенностью действия. Как отмечает П. Брукс, мелодрама стремилась к моральной поляризации и схематизации, к драматическому выражению моральных истин [Brooks, 1985, p. 4].

Гюго, несомненно, опирался на эти конвенции: в «Отверженных» мы видим классическое противостояние добра и зла в лице Жана Вальжана и Жавера, патетические сцены узнавания и спасения, характерные для мелодраматической традиции. Однако писатель существенно усложняет эту схему, наполняя её социально-историческим содержанием.

Принципиальное новаторство Гюго заключается в том, что индивидуальные драмы его персонажей неразрывно связаны с социальными процессами эпохи. Таким образом, Гюго создает новый тип романа, где личная судьба героя становится призмой, сквозь которую рассматриваются все социальные противоречия того времени.

Трансформация каторжника Жана Вальжана из объекта социального отторжения в носителя высших моральных ценностей представляет собой не просто мелодраматический ход, но и глубокую социальную критику. Гюго показывает, что общественные институты – тюрьма, церковь, благотворительность – могут как разрушать, так и возрождать человеческую личность.

Особенность художественного метода Гюго состоит в эпическом расширении мелодраматических коллизий. Если традиционная мелодрама сосредоточена на частном конфликте, то Гюго встраивает личные драмы в широкую панораму исторических событий. Описание битвы при Ватерлоо, восстания на баррикадах 1832 г., социальной топографии Парижа – все это превращает роман в подлинную социальную эпопею. М. Шрёдер в анализе романной структуры «Отверженных» констатирует, что Гюго создает новый жанр – социальную мелодраму эпических масштабов, где индивидуальное и коллективное, частное и историческое находятся в диалектическом единстве [Schröder, 1961, p. 118]. Важнейшим аспектом этой жанровой трансформации является демократизация героического идеала. В отличие от классической эпопеи с её аристократическими героями, Гюго помещает в центр повествования представителей социальных низов – каторжника, проститутку, беспризорного мальчишку. Эта героизация отверженных представляет собой радикальную переработку как эпических, так и мелодраматических канонов.

Ж.-М. Ховассе справедливо отмечает, что Гюго осуществляет подлинную революцию в иерархии литературных персонажей, наделяя эпическим величием тех, кто в традиционной литературе оставался в тени [Novasse, 2001, p. 445]. Гюго мастерски сочетает документальную точность в изображении социальной действительности с символическим обобщением, характерным для мелодрамы. Подробные описания парижских трущоб, тюремного быта, студенческой среды соседствуют с символическими фигурами и ситуациями, придающими повествованию универсальное звучание.

Таким образом, художественное новаторство Гюго заключается в создании нового жанрового образования – социальной эпопеи, которая сохраняет эмоциональную силу и моральную определенность мелодрамы, но обретает масштаб и глубину исторического повествования.

Роман «Отверженные» представляет собой масштабную типологию социального исключения, где каждый из центральных персонажей воплощает определенную модель маргинализации и стратегию выживания в условиях общественного ostracism. Гюго создает своеобразную «энциклопедию отверженности», демонстрируя различные механизмы социального исключения и возможности преодоления или усугубления этого состояния.

**Ключевые персонажи романа: траектории маргинализации
и социального (не)включения**

***Жан Вальжан: от преступника к святому
(модель индивидуального искупления)***

Центральный персонаж романа представляет собой классический тип социального исключения индивида вследствие его криминального прошлого. Предыстория Жана Вальжана воплощает то, что М. Фуко определил как «дисциплинарную власть» пенитенциарной системы, которая не только наказывает, но и создает «делинквентную идентичность», закрепляющую индивида в статусе преступника [Foucault, 1993, p. 251].

Траектория Вальжана от каторжника к благодетелю человечества иллюстрирует возможность индивидуального преодоления социальной стигматизации через моральное самосовершенствование. Здесь Гюго создает модель христианского искупления в секуляризованном обществе, где духовная трансформация становится единственным способом преодоления социального клейма.

Особенно показательна символика имени героя: П. Альбуи указывает на значимость самого имени «Жан Вальжан»: «Жан» – это самое типичное французское имя, символизирующее обычного, простого человека, представителя народа. «Вальжан» (фр. Valjean) интерпретируется исследователем как «Voilà Jean» – то есть «Вот Жан», что подчеркивает архетипичность и универсальность образа человека, оказавшегося лицом к лицу с обществом и собственной судьбой [Albouy, 1963, p. 179].

Фантина: гендерное измерение социальной маргинализации

Судьба Фантины представляет собой типичную траекторию женской социальной деградации в условиях патриархального общества XIX в. Ее падение – от работницы до проститутки – демонстрирует специфические женские формы социального исключения, связанные с материнством вне брака и экономической зависимостью.

М. Перро в исследовании положения женщин в XIX в. подчеркивает, что незамужняя мать представляла собой фигуру тройной маргинализации: как женщина, как мать и как нарушительница моральных норм [Perrot, 2012, p. 167]. Гюго показывает, как

общественная мораль создает порочный круг, где женщина, ставшая жертвой социальных обстоятельств, подвергается дальнейшей стигматизации. Особенно важно отметить, что Фантина лишена возможности индивидуального искупления, доступного Вальжану. Ее смерть символизирует структурную невозможность преодоления гендерной дискриминации в рамках существующей социальной системы.

Гаврош: детство как территория исключения

В образе Гавроша находит выражение проблема детской беспризорности как следствия урбанизации и социального расслоения. Ф. Арьес в классическом исследовании истории детства показывает, как индустриальное общество породило новый феномен «покинутого детства» (*l'enfance abandonnée*), существующего вне семейных и образовательных институтов [Ariès, 1973]. Гаврош представляет собой тип «ребенка-взрослого», вынужденного преждевременно адаптироваться к жестким условиям городской среды. Гюго создает образ ребенка-философа, который превращает социальное исключение в форму свободы, недоступной взрослым.

Принципиально важно, что Гаврош не стремится к интеграции в «нормальное» общество, а создает альтернативную систему ценностей, основанную на солидарности отверженных. Его героическая смерть на баррикадах символизирует революционный потенциал детей, вытесненных на обочину жизни.

Тенардьё: люмпен-пролетариат как антисоциальная сила

Супруги Тенардьё демонстрируют тип социального исключения, который К. Маркс в пятой главе работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (*Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*, 1851–1852) определил как «люмпен-пролетариат» – деклассированные элементы, существующие за счет паразитирования на обществе [Marx]. Маркс исключал их из своего видения идеального коммунистического общества. В отличие от других персонажей, Тенардьё сознательно выбирает асоциальное существование. Тенардьё – это анти-Вальжан, персонаж, который использует социальное исключение как ресурс для эксплуатации других отверженных. Его трансформация из трактирщика в главаря преступной шайки демонстрирует деградиционную модель социального исключения. Особенно показательно, что в финале ро-

мана Тенардые эмигрирует в Америку, где становится работорговцем. В этом эпизоде показана способность люмпен-пролетариата адаптироваться к любой социальной системе, сохраняя при этом паразитическую сущность.

Представленная типология основана на критерии, связанном с выбором различных стратегий существования в условиях социального исключения: от духовного преображения (Вальжан) до героического самопожертвования (Гаврош), от виктимизации (Фантина) до откровенного паразитизма (Тенардые). Таким образом, Гюго создает не просто галерею отверженных, но взаимосвязанную систему образов и социальных положений, где каждый тип исключения порождает специфическую форму сопротивления или капитуляции. Художественный мир «Отверженных» представляет собой своеобразную социологию маргинальности, в которой личные судьбы персонажей становятся моделями для понимания механизмов социального исключения и возможностей их преодоления.

Париж как семиотическая система: места, знаки и социальная мобильность

Пространственная организация романа «Отверженные» – это сложная семиотическая система, в которой топография Парижа является материальным воплощением социальной стратификации и механизмов исключения. Гюго создает «социальную географию» города, где каждое место наделено символическим значением и определяет возможности социальной мобильности персонажей.

Пространственная структура романа основана на принципе контраста между «двумя Парижами» – аристократическим Сен-Жерменом и рабочим предместьем Сент-Антуан. Эта оппозиция отражает социологические размышления Гюго о растущей поляризации французского общества в эпоху Июльской монархии.

М. Альвакс в исследовании социальной морфологии Парижа подчеркивает, что «пространственная сегрегация становится в XIX в. основным механизмом воспроизводства социального неравенства» [Halbwachs, 1928, p. 46]. Гюго художественно воплощает эту закономерность, создавая своего рода топографию исключения, когда социальная мобильность оказывается буквально ограниченной пространственными барьерами.

Салон мадам де Т***, представляющий мир поместий Сен-Жермен, описывается как замкнутый универсум, где каждый

предмет обстановки свидетельствует о непрерывности аристократической традиции. Гюго использует архитектурные детали как знаки социальной принадлежности, создавая семиотику власти.

В противоположность этому трущобы Сент-Антуана предстают как лабиринт нищеты, в котором топографическая дезориентация отражает социальную дезинтеграцию. Район Сент-Антуан (Faubourg Saint-Antoine) в романе «Отверженные» – одно из ключевых мест действия, символизирующее бедность, революционный дух и народные волнения Парижа XIX в. Это исторический рабочий квартал, населенный ремесленниками, столярами, плотниками, а также беднейшими слоями населения, которые часто становились движущей силой восстаний. Гюго описывает его как место, где люди живут в нищете, но сохраняют достоинство и готовность бороться за свои права. Таким образом, Гюго демонстрирует, как урбанистическая политика XIX в. сознательно создавала зоны социальной сегрегации.

Принципиально важно, что персонажи романа оказываются «привязаны» к определенным районам: Мариус может перемещаться между разными сословиями благодаря своему дворянскому происхождению, в то время как Гаврош принадлежит исключительно пространству улицы. Право на город становится у Гюго привилегией, а не универсальным правом.

Подземелья и канализация: метафизика социального дна

Особое место в пространственной поэтике романа занимают подземные пространства – канализация, склепы, подвалы, которые становятся буквальным воплощением «социального дна». Гюго создает вертикальную модель общества: чем глубже пространство «залегает» под городом, тем сильнее его обитатели вытеснены на периферию социальной жизни и обречены на исключение.

Знаменитый эпизод путешествия Вальжана по парижской канализации – не только авантюрный элемент сюжета, но и метафизическое нисхождение в «преисподнюю» социального отчуждения. А. Корбен в исследовании истории запахов показывает, как в XIX в. подземные коммуникации стали символом скрытых социальных процессов [Corbin, 2008]. Гюго использует эту символику для создания «подземной географии» исключения, и канализация становится метафорой тех социальных процессов, которые официальная культура предпочитает не замечать.

Особенно показательно описание «утробы Левиафана» – парижской канализации как живого организма: «Клоака – это совесть города. Все стекается сюда, всему дается здесь очная ставка» [Гюго, 2013, т. 2, с. 407] («L'égout, c'est la conscience de la ville. Tout y converge et s'y confronte» [Hugo, 1882, p. 132]¹). Символично, что именно в подземелье происходит духовное преображение Вальжана: спасение Мариуса в канализации становится актом искупления, превращающим пространство отверженности в место святости.

Баррикады как пространство трансгрессии и социального перерождения

Баррикады восстания 1832 г. представляют собой принципиально иной тип пространства – зону, где действуют альтернативные социальные законы. Баррикада на улице Шанврери становится у Гюго микрокосмом утопии, где социальные различия временно стираются перед лицом общей цели. Революционное пространство у Гюго характеризуется принципиальной открытостью – здесь возможна встреча представителей всех социальных слоев. Гибель защитников баррикады приобретает сакральный характер: революционное пространство становится местом мученичества.

Важно, что баррикада представляет собой пространство не только сопротивления, но и педагогики: здесь Мариус получает политические навыки, а Гаврош проявляет свой героизм.

Пространственная поэтика «Отверженных» демонстрирует взаимную связь между топографией и социальными отношениями. Каждое место в романе не просто отражает социальную структуру, но активно ее формирует, создавая или разрушая возможности социальной коммуникации.

У Гюго пространство никогда не нейтрально – оно всегда идеологически нагружено и участвует в создании смысла. Топография исключения в романе становится материальной основой для понимания механизмов социальной дифференциации и возможностей ее преодоления.

¹ В оригинале автор употребляет лексему «L'égout», наиболее корректный перевод которой – «канализация». В других местах автор использует лексему «le cloaque» – собственно «клоака».

Между полифонией и авторской интенцией: «голос отверженных» и argot как элементы нарративной стратегии

Необходимость репрезентации «голоса отверженных» в романе Гюго ставит перед писателем сложную нарративную задачу, связанную с фундаментальным противоречием между демократическими интенциями автора и его принадлежностью к доминирующей культуре. Вопрос о том, кто и за кого имеет право говорить, — центральный для политической эстетики XIX в.

Нарративная структура «Отверженных» демонстрирует напряжение между полифоническими устремлениями и одноголозой природой романтического повествования. Гюго стремится создать «хор голосов» социально исключенных, но этот хор неизбежно организуется и интерпретируется авторским сознанием. Повествователь в «Отверженных» не исчезает за персонажами, а постоянно присутствует как организующая инстанция, интерпретирующая их судьбы в свете своей гуманистической философии. Это создает специфическую нарративную ситуацию, когда голоса отверженных звучат, но всегда опосредованы авторской интенцией.

Включение argot как языка исключенных

Одна из характерных черт романа — систематическое включение argot — специфического жаргона парижского «дна» — в текст литературного произведения. Гюго не только использует элементы этого языка, но и посвящает ему специальную главу «Argot», в которой анализирует его социальную функцию. До него этот язык социально замкнутых групп привлек внимание Эжена Сю в романе-фельетоне «Парижские тайны».

М. Коэн в исследованиях по французской социолингвистике подчеркивает, что «Арго XIX в. — это не просто профессиональный жаргон, а язык социального сопротивления, создающий альтернативную систему обозначений» [Cohen, 1954, p. 189]. Гюго осознает эту функцию жаргона, определяя argot как язык нищеты и язык преступления одновременно.

Включение argot в литературный текст представляет собой радикальный жест демократизации литературного языка. Однако следует отметить, что argot в «Отверженных» становится не столько аутентичным голосом исключенных, сколько экзотическим элемен-

том, подчеркивающим демократические симпатии автора, поэтому аргумент в романе Гюго звучит более метафорично, чем у Эжена Сю.

Документальная точность и романтическая идеализация в нарративе Гюго

Нарративная стратегия Гюго характеризуется постоянным напряжением между документальными интенциями и романтической идеализацией. Автор стремится к социологической точности в изображении условий жизни отверженных, но одновременно подчиняет эту документальность своей гуманистической миссии.

Реалисты XIX в. вырабатывают поэтику, сочетающую внимание к факту и обобщающую типизацию: социальная действительность осмысливается через художественно оформленные характеры и ситуации. Гюго обращается к проблемам своего времени, сопоставляя наблюдение за современной жизнью с масштабным нравственно-философским и публицистическим видением. Документальные элементы романа многочисленны и тщательно проработаны. Описания трущоб, рабочих домов, тюрем в «Отверженных» основаны на реальных социологических наблюдениях и соответствуют историческим документам эпохи [Chevalier, 2002]. Работая над романом, Гюго использовал статистические данные, изучал полицейские отчеты, знакомился с трудами филантропов и социальных реформаторов.

Однако эта документальность постоянно корректируется романтической идеализацией. Социальная правда у Гюго никогда не превращается в натуралистическую безысходность – она всегда содержит элемент надежды и возможности искупления. Это особенно заметно в образе Фантины: реалистическое изображение судьбы проститутки сочетается с романтической идеализацией материнской любви. Гюго в значительной мере следует логике филантропического дискурса XIX в.: документальность не является самоцелью, а демонстрирует необходимость социальных реформ.

«Отверженные» как фактор трансформации социально-политического дискурса Франции (1860–1880-е годы)

Публикация «Отверженных» в 1862 г. не только вызвала резонанс в литературной среде, но и стала значительным фактором трансформации социального дискурса эпохи. Роман функционирует

вал как литературное событие, которое изменяет не только литературное поле, но и способы общественного самосознания.

М. Агульон в знаменитом исследовании по социальной и политической истории Франции XIX в. «Республика в деревне» (*La République au village*, 1970) отмечает, что В. Гюго в контексте крестьянских и рабочих движений Прованса представляется как фигура, олицетворяющая демократические и социальные преобразования [Agulhon, 1979, p. 466]. Его популярность среди простого народа была настолько велика, что родители называли своих детей в его честь – в 1850 г. появилось множество мальчиков по имени Виктор, что исследователь связывает с его антиклерикальной позицией и республиканской репутацией [Agulhon, 1979, p. 386]. Для Гюго, как и для других лидеров Montagne (левого крыла парламента), Республика неразрывно связана с социальным прогрессом. Его политическая позиция выражала убеждение, что демократическая форма правления должна быть средством достижения народного благоденствия [Agulhon, 1979, p. 466]. Влияние Гюго проявилось не только в его литературных произведениях, защищающих бедных и угнетённых, но и в его способности вдохновлять массовые движения, где его имя становилось символом надежды на справедливое общество [Agulhon, 1979, p. 386].

Р. Фукс в исследовании истории французского социального права показывает, что сформулированная Гюго концепция «долга общества перед отверженными» стала одним из идеологических оснований для развития системы социального обеспечения [Fuchs, 1992, p. 48]. Это влияние особенно заметно в работах теоретиков солидаризма – Леона Буржуа (1851–1925) и Селестена Бугле (1870–1940), которые эксплицитно ссылаются на моральную философию «Отверженных».

В анализе дискурсов социальной политики отмечается парадоксальность ситуации: роман, написанный в изгнании противником режима, становится идеологическим инструментом легитимации социальных реформ империи. Действительно, уже в 1860-е годы администрация Наполеона III опирается на сформулированные Гюго аспекты «социального вопроса» для обоснования своих преобразований.

От литературной диагностики к социальной теории: актуальность «Отверженных» в XXI веке

Анализ «Отверженных» в контексте современных социологических теорий выявляет удивительную актуальность многих интуиций Гюго. Роман предвосхищает ключевые понятия современной социологии исключения и может рассматриваться как ранняя диагностика процессов, которые сегодня концептуализируются в терминах прекаризации и социальной дезинтеграции.

Р. Кастель в фундаментальной работе «Метаморфозы социального вопроса» анализирует исторические формы социальной дезинтеграции, выделяя процессы «десоциализации» и «дезаффилиации» [Castel, 1999]. Созданная В. Гюго типология отверженных удивительно точно соответствует схеме социальных траекторий, предложенной современным ученым.

Жан Вальжан представляет собой классический пример «дезаффилиации», то есть одновременной утраты двух типов опоры: работы и реляционных связей – устойчивых отношений с другими людьми и включённости в социальные связи (семья, соседи, община, признание и доверие). Его путь от интегрированного члена общества (чернорабочий-подрезчик) через зону «уязвимости» (безработица, голод) к полному исключению (каторга, клеймо рецидивиста) точно воспроизводит модель Кастеля. Более того, история реинтеграции Вальжана через восстановление экономических (мэр города и управляющий швейной фабрикой в Монтрёй-сюр-Мер) и социальных (благотворительность, отцовство) связей предвосхищает современные стратегии социальной инклюзии.

С. Погам развивает концепцию «социальной дисквалификации», понимаемой как многомерный процесс исключения из основных сфер социальной жизни [Paugam, 1996]. Фантина и Гаврош представляют два различных типа такой дисквалификации: первая – через гендерную стигматизацию и экономическую зависимость, второй – через возрастное исключение и урбанную маргинализацию¹.

Особенно актуальной представляется интуиция Гюго относительно роли стигматизации в воспроизводстве исключения. Исследования демонстрируют, что стигма создает порочный круг социального исключения, препятствующий реинтеграции, см. напр. [Wacquant, 2007; Link, Phelan, 2001]. Образ Жана Вальжана

¹ Термин впервые употреблен в журнале *Psychopathologie africaine* профессором G. Houchon [Houchon, 1982, p. 161].

можно рассматривать не как прямую «иллюстрацию» результатов исследований, а как художественную проблематизацию и наглядное моделирование того, как стигма закрепляется в социальных взаимодействиях и институциональных практиках, поддерживая траекторию исключения и затрудняя реинтеграцию.

«Отверженные» демонстрируют эвристический потенциал литературы как инструмента социального анализа. Роман выполняет функции, которые сегодня ассоциируются с социологическим исследованием: диагностика социальных проблем, типологизация форм исключения, анализ механизмов социальной дезинтеграции.

Современные теории «публичной социологии» подчеркивают необходимость диалога между академической наукой и общественным сознанием. В научной литературе публичная социология понимается как ориентация социологического знания на взаимодействие с внеакадемическими аудиториями (гражданами, сообществами, движениями, институтами) и на совместное обсуждение общественно значимых проблем; при этом задача состоит не только в популяризации результатов исследований, но и в выстраивании двусторонней коммуникации, когда публичные группы выступают соучастниками формирования повестки и интерпретаций (см., напр. [Burawoy, 2021; Calhoun, 2005]). Важным элементом этого подхода считается «перевод» профессионального языка в доступные формы и участие социологов в публичных дебатах без утраты исследовательской дисциплины (см., напр. [Gans, 2016]), а также внимание к тому, чьи голоса и опыт признаются легитимными источниками знания в публичном пространстве (см., напр. [Collins, 2007]). Роман Гюго может рассматриваться как прообраз такой публичной социологии: он делает социальные проблемы предметом общественного обсуждения, используя художественные средства для их концептуализации и критики. В контексте современных дебатов о социальном неравенстве и прекаризации роман Гюго сохраняет свою актуальность как модель социально ответственной литературы. «Отверженные» демонстрируют, что литература может выполнять функцию «раннего предупреждения» о социальных кризисах, выявляя процессы дезинтеграции до их полного развертывания. Эта диагностическая функция литературы особенно важна в современном контексте ускоряющихся социальных изменений.

Роман В. Гюго остается поразительно актуальным произведением, особенно при анализе современных социальных проблем Франции. Судьбы героев романа – от Жана Вальжана до семьи Те-

нардье – удивительным образом перекликаются с вызовами, стоящими перед мигрантскими сообществами в современной Франции. Многие мигранты сталкиваются с теми же барьерами, что и «отверженные» у Гюго: отсутствие документов или их непризнание, языковые барьеры, дискриминация при аренде жилья и найме на работу. Административные препятствия часто создают замкнутый круг исключения, напоминающий ситуацию Вальжана.

В романе на примере семьи Фантины показано, как бедность толкает людей к отчаянным поступкам. Фантина вынуждена продать волосы, зубы и в конечном счете достоинство ради выживания дочери. Гюго показывает, что это не просто экономическая необходимость, но проявление того, как власть проникает в самые интимные сферы жизни маргинализированных субъектов. Это согласуется с размышлениями Фуко о том, как власть действует не через репрессии, а через управление жизнью. Так, Фуко указывает на то, что «половые» темы – это не нейтральное накопление фактов, а устройство (диспозитив), в котором власть стимулирует дискурс о половых вопросах и извлекает из него эффекты управления [Foucault, 1976, p. 69].

Мигранты в пригородах французских городов, да и в самом Париже, часто оказываются в похожих условиях: неформальная экономика, низкооплачиваемый труд, жизнь в переполненных социальных кварталах. Экономическая маргинализация толкает некоторых к участию в теневой экономике и формированию организованных преступных группировок.

Встреча с епископом Мириэлем становится для Жана Вальжана поворотным моментом: он получает шанс на новую жизнь, постепенно интегрируется в общество под новым именем и в результате становится уважаемым мэром и благотворителем. Образ Мириэля у Гюго, как отмечает М. Агульон, имеет много общего с реальными представителями духовенства, которых современники почти «канонизировали» при жизни: так, аббат Виталь Поль – сын буржуа, но простой, приветливый и добродушный по характеру – пользовался особым почтением за близость к рабочим кругам, которых другие клирики нередко сторонились, и за редкую смиренность, проявлявшуюся в заботе не только о приговоренных к смерти, но даже о палаче, всеобщем объекте ненависти [Agulhon, 1979, p. 165]. Подобно ему, Мириэль ради каторжника встает против «единодушного предрассудка» и тем самым приобретает славу святого; биографы реального прототипа (епископа диньской епар-

хии Бьенвеню де Миоллиса) также подчеркивают, что вокруг него сложилось подлинное почитание [Agulhon, 1979, p. 166].

Современная Франция также знает множество историй успешной интеграции мигрантов, которые, получив поддержку, становятся полноценными членами французского общества, внося свой вклад в экономику и культуру страны. К ним можно отнести: футболиста З. Зидана, писателя Ж. Синуэ, режиссера З. Дуэйри.

Епископ Мириэль, семья Понмерси, сам Вальжан в отношении Козетты – роман полон примеров того, как индивидуальная человечность может преодолеть социальные барьеры. Во Франции существует множество неправительственных организаций, волонтерских движений и простых граждан, которые помогают мигрантам. Движения вроде «France Bénévolat» или инициативы по размещению беженцев показывают, что дух солидарности, воплощенный в образе епископа Мириэля, живет и сегодня.

* * *

«Отверженные» представляют собой не только художественное произведение, но и важный документ социальной истории, теоретический вклад в понимание механизмов исключения и модель социально ангажированного искусства, демонстрирующие свою применимость и в современном обществе. Роман Гюго остается актуальным не только как классика мировой литературы, но и как источник идей для понимания глобальных социальных процессов.

Список литературы

Брахман С.М. «Отверженные» Виктора Гюго. – Москва : Художественная литература, 1968. – 104 с.

Гюго В. Отверженные : роман : в 2 т. – Москва : Эксмо, 2013. – Т. 1 / [пер. с фр. Н.А. Коган, Н.Д. Эфрос]. – 800 с.; т. 2 / [пер. с фр. М.В. Вахтеровой, К.Г. Локса]. – 608 с.

[A.C.] [Bibliographie critique] // Population. – 1959. – Vol. 14, N 3. – P. 577–578. – Rev. du: Chevalier L. Classes laborieuses et classes dangereuses pendant la première moitié du XIXe siècle. – Paris : Plon, 1958. – 562 p.

Agulhon M. La république au village : les populations du Var de la Révolution à la Seconde République. – Paris : Seuil, 1979. – 576 p.

Albouy P. La création mythologique chez Victor Hugo. – Paris : J. Corti, 1963. – 541 p.

Ariès P. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. – Paris : Editions du Seuil, 1973. – 316 p.

- Bourdieu P.* Les Règles de l'art : genèse et structure du champ littéraire. – Paris : Seuil, 1992. – 480 p.
- Brooks P.* The melodramatic imagination : Balzac, Henry James, melodrama, and the mode of excess. – New York : Columbia univ. press, 1985. – xvi, 235 p.
- Burawoy M.* Public sociology. – Cambridge : Polity press, 2021. – 232 p.
- Calhoun C.* The promise of public sociology // *British journal of sociology.* – 2005. – Vol. 56, N 3. – P. 355–363. – DOI: 10.1111/j.1468-4446.2005.00065.x
- Castel R.* Les métamorphoses de la question sociale : une chronique du salariat. – [Paris] : Gallimard, 1999. – 813 p.
- Chevalier L.* Classes laborieuses et classes dangereuses. – Paris : Perrin, 2002. – XXVIII, 566 p.
- Cohen M.* Grammaire et style : 1450–1950 : cinq cents ans de phrase française. – Paris : Éd. sociales, 1954. – 256 p.
- Collins P.H.* Going public // *Public sociology. Fifteen eminent sociologists debate politics and the profession in the twenty-first century.* – 2007. – P. 101–113.
- Corbin A.* Le miasme et la jonquille : l'odorat et l'imaginaire social : XVIIIe–XIXe siècles. – Paris : Flammarion, 2008. – 429 p.
- Foucault M.* Histoire de la sexualité. Vol. 1. La volonté de savoir. – Paris : Gallimard, 1976. – 212 p.
- Foucault M.* Surveiller et punir : naissance de la prison. – Paris : Gallimard, 1993. – 362 p.
- Fuchs R.* Poor and pregnant in Paris : strategies for survival in the nineteenth century. – New Brunswick (NJ) : Rutgers univ. press, 1992. – 344 p.
- Gans H.J.* Public sociology and its publics // *The American sociologist.* Vol. 47. – 2016. – P. 3–11. – DOI: 10.1007/s12108-015-9278-5
- Halbwachs M.* La population et les tracés de voies à Paris, depuis un siècle. – 2e édition, augmentée et mise à jour. Première partie. – Paris : Presses universitaires de France, 1928. – 273 p. – (Les expropriations et le prix des terrains à Paris).
- Hovasse J.-M.* Victor Hugo. Avant l'exil, (1802–1851). – Paris : Fayard, 2001. – 1366 p.
- Houchon G.* La théorie de la marginalité urbaine dans le tiers-monde // *Psychopathologie africaine.* – 1982. – Vol. 18, Iss. 2. – P. 161–229.
- Hugo V.* Les Misérables. Cinquième partie : Jean Valjean. – Paris : Librairie Hachette, 1882. – 412 p.
- Link B.G., Phelan J.C.* Conceptualizing stigma // *Annual review of sociology.* – 2001. – Vol. 27. – P. 363–385. – DOI: 10.1146/annurev.soc.27.1.363
- Marx K.* Le 18 Brumaire de Louis Bonaparte. – URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1852/18th-brumaire/ch05.htm> (дата обращения: 10.03.2026)
- Paugam S.* L'exclusion, l'état des savoirs. – Paris : La Découverte, 1996. – 583 p.
- Perrot M.* Les Femmes ou les silences de l'histoire. – Paris : Flammarion, 2012. – 494 p.
- Schröder M.* Icarus : the image of the artist in French romanticism. – Cambridge : Harvard univ. press, 1961. – 287 p.
- Wacquant L.* Territorial stigmatization in the age of advanced marginality // *Thesis eleven.* – 2007. – Vol. 91, N 1. – P. 66–77.